

7-1999

ЭКО

ISSN 0131-7652

От социализма
к капитализму

В НОМЕРЕ

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ

2 КОРНАИ Я.

От социализма
к капитализму и обратно

ИНСТИТУТЫ РЫНКА

25 БРЕЙТЕНБИХЕР Д. В.

Валютный курс и состояние
экономики

32 АНДРИАНОВ В. Д.

Инфляция и методы
ее регулирования

43 МКРТЧЯН Г. М.,
БЛАМ И. Ю.

Инвестиционный мираж

49 АНТОНОВ Г. Д.,

ИВАНОВА О. П.
Что делать с залогами
банков

РЕГИОН

54 «Птица тройка» завтрашнего

дня. Репортаж с Междуна-
родной конференции «Инте-
грация как фактор укрепле-
ния федерализма в России»

78 ПЕРМЯКОВ И. Д.

Крайний Север
не вмещается в Москву

ПРЕДПРИЯТИЕ В ПЕРЕХОДНОЙ ЭКОНОМИКЕ

84 ШАХНОВИЧ Р. М.,

ЮДАШКИНА Г. В.,
ОБОЗНЫЙ Д. А.
Заработная плата
и занятость: как меняется
поведение предприятий

91 ВАРАВСКИЙ В. А.

Многогранный угол
конверсии

КЛУБ ДИРЕКТОРОВ

94 КУЛЕШОВ В. В.

Экономика Сибири: дрейф
в море российского кризиса
или экономический маневр

106 ЩЕРБАКОВА Л.

Ищи попутный ветер

117 РЕЧИН В. Д.

Состояние экономики
и особенности управления
предприятиями. Мнение
тридцати директоров

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

124 ДАВИДОВ В. М.,

БОБРОВНИКОВ А. В.,
ТЕПЕРМАН В. А.

Локальные кризисы
или мировой феномен?

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

144 ЦЫДЫПОВА Б. Д.

Женщина Бурятии
на рынке труда

152 ШАРНИНА О. В.

Год из жизни сельских
предпринимательниц

165 НИКОВСКАЯ Л. И.

Ударим миллионами
в казино по безденежью
миллионов!

168 ЦАРЦИДЗЕ М. Г.,

ЛАЦАБИДЗЕ Н. А.
Проблемы оплаты труда
и прожиточного минимума
в Грузии

173 МИХАЙЛОВ В.

Программа «ВКУСВАМ» —
для вас!

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

176 ЧУДНОВ И. А.

Русская традиция

ПСИХОЛОГИЯ

185 АФТАНАС Л. И.

Антистрессовые технологии

POST SCRIPTUM

189 ГУСЛЯРОВ Е. Н.

Великий русский писатель,
которого не знает Россия

ОТ СОЦИАЛИЗМА К КАПИТАЛИЗМУ И ОБРАТНО*

Янош КОРНАИ,
профессор Гарвардского университета

Основная цель настоящего исследования – прояснить некоторые широко используемые понятия: система, смена систем, демократия. Причем не в политическом аспекте. Мои утверждения носят теоретический характер, то есть в них используются обобщения и абстракции многих специфических особенностей социальной действительности. Но наряду с концептуальной основой описания событий и изменений предлагается аналитический метод их изучения.

В работе содержатся и некоторые предложения. Оценка некоего феномена или процесса связана с системой ценностей, которой я придерживаюсь. Не исключено, что взгляд других аналитиков будет отличным от моего. Главный критерий правомерности метода очень прост: работает он или нет.

На мой взгляд, основанный на многолетних кропотливых исследованиях, 20-е столетие определили две системы – **капиталистическая и социалистическая** (коммунистическая система может считаться синонимом последней). Утверждение не такое уж и очевидное, допускающее некоторые возражения.

Первое возражение касается правомерности расположения социалистической системы «на одном уровне» с капиталистической: ведь с точки зрения мировой истории социалистическая система – всего лишь краткая прелюдия, временная aberrация хода исторических событий.

Это безусловно справедливо для исторического подхода, но живущие в XX веке люди судят иначе: становление и су-

---

* Прислано в редакцию автором. Статья известного венгерского экономиста «Как избавиться от экономики дефицита» была опубликована в ЭКО. 1996. № 6.

шествование социалистических систем отметило это столетие глубоким и страшным шрамом. Так же, как и падение части коммунистических режимов мира, и выживание оставшихся. Бывшая социалистическая система – это 26 стран и треть населения планеты. Советский Союз считался сверхдержавой, обладавшей устрашающей военной мощью. А значит, гнет социалистической системы ощущали не только сотни миллионов людей, живших внутри нее, но и остальное человечество.

Второе возражение: а почему только две? Разве не правомерно говорить и о третьей, не являющейся ни капиталистической, ни социалистической? Нет, наш век не породил никакой третьей системы, и здесь не будет речи о том, нужна она или нет. Как не собираюсь предсказывать, что принесет XXI или XXII век. Единственное, что я утверждаю с уверенностью – **в XX веке «третьей» системы не было.**

Третье возражение можно рассматривать как вариацию на тему второго: почему рассматривается социалистическая система лишь одного вида? Ведь социалистическая система СССР при Сталине была одной, а при Хрущеве – другой. Социализм Кадара в Венгрии отличался от «социализмов» Гомулки, Герека и Ярузельского в Польше.

Кстати, почему бы в таком случае не рассматривать и множество капиталистических систем: разве корректно описывать одним термином государственное устройство США и, скажем, Швеции? Существует много систем – столько же, сколько стран и фаз исторического развития. Для тех, кто придерживается этого взгляда, я готов использовать множественное число: пусть будут социалистические и капиталистические системы – это всего лишь вопрос интерпретации. Я предлагаю слово «система» как обобщенное, агрегированное понятие и согласен с тем, что каждая реальная система существует в специфических исторических условиях, налагающих на нее отпечаток. Но все реальные воплощения можно считать разновидностями одной и той же системы. То же самое может быть сделано в отношении социализма: все его «реализации» так же образуют варианты одной системы. Более того, общие черты, различимые в рамках каждой из двух основных

систем, определяюще влияют на общественные реалии, политику, экономику, культуру и повседневную жизнь. И наконец, именно эти черты служат характеристиками систем, а значит, являются ясными критериями различия последних.

Характеристики двух систем перечислены в виде схемы на рисунке.

Не хочу начинать с нормативных определений, ибо то, что я называю социализмом, не есть воображаемое общественное устройство, воплощения которого ждут искренние приверженцы социалистической идеи. Я не собираюсь судить, заслуживают ли известные нам «реализации» социализма своего названия или нет. Я исходил из того, что в мире исторически установилась формация, существовавшая в 26 странах мира и называвшая себя социалистической системой. Предметом исследования послужил так называемый реальный социализм: интерес представляли именно видимые характеристики имеющейся в действительности формации. Именно эти черты представлены в виде блоков в верхней части рисунка.

Аналогичный позитивный анализ капиталистической системы привел к выделению ее главных характеристик. Я старался найти ответ на следующие вопросы. Что общего у обществ XX века, не входящих в социалистическую систему? Так что и нижняя часть рисунка описывает именно «реальный капитализм», то есть его наблюдаемые характеристики.

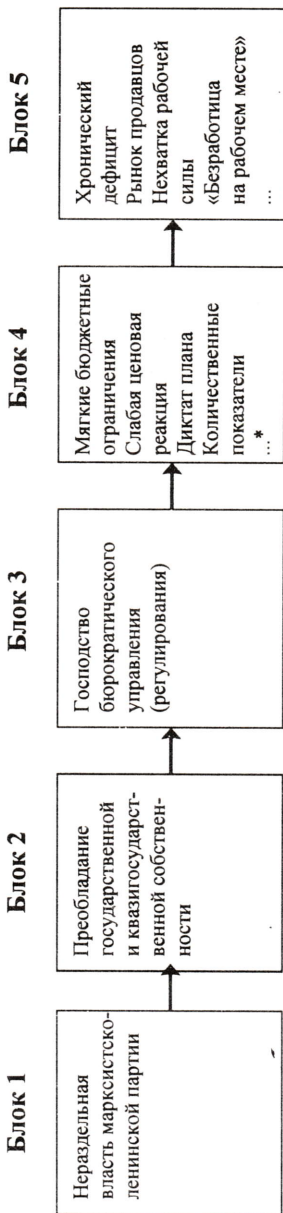
Но если о том, что помещено в верхней части рисунка, мной написана целая книга*, содержащая детальный анализ социалистической системы, то содержание нижней части — это в значительной степени догадки: не существует фундаментального труда, на который я мог бы сослаться. И тем не менее приведенные характеристики согласуются с большей частью литературы, посвященной функционированию капиталистических систем, а также с непосредственно наблюдаемой повседневной жизнью.

Я старался извлечь из множества частных наблюдений те особенности, которые были бы необходимыми и достаточными, чтобы утверждать, что данная система функционирует как

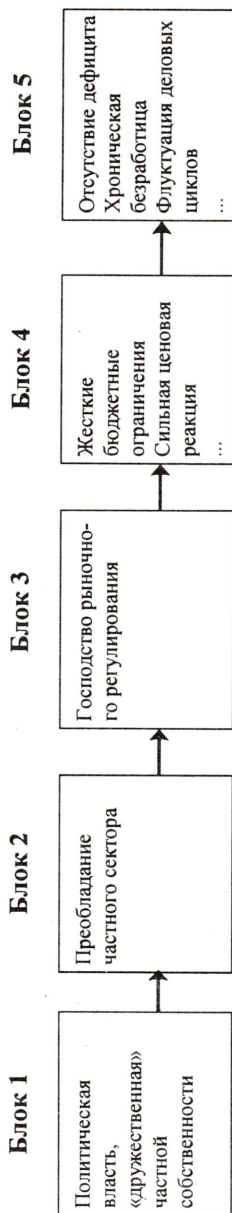
---

* The Socialist System. The political Economy of Communism (1992 г.)

Модель социалистической системы

Модель капиталистической системы

* Многозначие означает, что список может быть продолжен.

социалистическая или капиталистическая. При этом я стремился к тому, чтобы набор характеристик был минимальным, но все же позволял четкое разделение признаков двух систем.

Первые три блока каждой диаграммы – это фундаментальные свойства системы: **политическая власть, распределение прав собственности и совокупность механизмов управления.** В свою очередь они в значительной мере определяют четвертый блок – типичное поведение экономических субъектов и пятый – особенности экономики.

В терминах «причина – следствие» первые три блока могут считаться «причиной» четвертого и пятого, поскольку представляют более глубинные свойства систем.

Причинные связи внутри трех первых блоков, как и историческое развитие основных черт систем, неодинаковы. Они меняются в зависимости от стран и периодов времени, точнее, от их исторических проявлений. И это мы не будем даже пытаться здесь анализировать.

Рассмотрим сами модели.

Для полного развития системы и появления свойств, выделенных в блоках 4 и 5, чтобы система могла быть признана социалистической либо капиталистической, недостаточно наличия просто одного из элементов первых трех блоков. Причинная связь обнаруживается лишь при появлении всех трех элементов **одновременно.**

К примеру, значительная доля государственной собственности в Австрии или значительная власть бюрократии во Франции вовсе не означают, что эти страны движутся к социализму. Ведь остальные фундаментальные характеристики остаются характеристиками капиталистической системы.

Обратимся к нижней части диаграммы и начнем с блока 1. Возможно, многие будут удивлены, не обнаружив там слова «демократия». Не сомневайтесь: я верю в демократию и еще вернусь к рассмотрению этого вопроса. Впрочем, диаграмма отражает не мои политические пристрастия, а позитивный подход к определению, что есть капиталистическая система. Демократия как раз не является необходимым элементом: капитализм возможен и при диктатуре. Если политическая власть активно защищает частную собственность, содейству-

ет частному предпринимательству и свободному взаимодействию индивидов на основе договоров, обеспечивая легальные гарантии их выполнения, развитие капитализма, а впоследствии его становление и укрепление идут легче. И все же, если политическая власть менее активна, но не преследует частную собственность и свободу предпринимательства, спонтанные рыночные отношения будут развиваться.

Риторика стоит немногого: Гитлер, например, ругал плутократию. Главный фактор – действительное поведение правительства и политической партии власти (или их коалиции). Они не должны проводить массовые конфискации или как-нибудь иначе подрывать основы частной собственности. Они не должны вводить регулирование, наносящее серьезный систематический и широкомасштабный урон экономическим интересам собственников в пользу других элементов.

Минимальные требования к власти – даже меньше, чем активная поддержка частной собственности и рынка. Достаточно «благосклонного» к ним отношения.

То, что заключает в себе блок 2, означает доминирование частной собственности. Но не абсолютное. Современный капитализм – это «смешанная» экономика, где значимы и государственные, и негосударственные, и некоммерческие организации. И нет нужды устанавливать точные численные соотношения – достаточно сказать, что несчастные организации не должны преобладать.

Аналогично следует трактовать и блок 3. Главенствующая роль рыночных механизмов не исключает другие механизмы управления. Однако именно она определяет основную черту капитализма: управление должно осуществляться через рынок, посредством децентрализованного регулирования спроса, предложения и цен*.

Смена систем

Рассмотрение основных черт обеих систем определяет способ интерпретации перехода от одной к другой. Процесс

---

* Термин «рыночная экономика» часто используется на Западе как эквивалент понятия «капиталистическая система», употребляемому в данном исследовании.

начинается тогда, когда в обществе происходит сдвиг от характеристик, описывающих социалистическую систему (блоки 1–3); он завершается, когда общество может быть охарактеризовано конфигурацией блоков 1–3, описывающих систему капиталистическую. Причем эти элементы должны не просто возникнуть, новая ситуация должна «укорениться» и стать необратимой.

В разных странах процессы различаются в зависимости от того, с чего (с какого блока) начинаются изменения и к каким результатам они приводят. Определяющим является и то, когда каждый из блоков приобретает «капиталистические» черты.

В Венгрии изменения начались с блока 3 и в некоторой степени с блока 2: со смены механизма управления и отношений собственности, когда в 1968 г. был учрежден «новый экономический порядок». Но до 1989–1990 гг., до радикальных, революционных перемен в политической сфере (блок 1), действительной смены систем не произошло. При новом политическом режиме все составляющие его политические партии не пожелали возвращения прежнего социалистического порядка и ратовали за развитие рыночной экономики на базе частной собственности. Прежняя антикоммунистическая идеология стала официальной, приватизация государственной собственности – приемлемой и привычной.

Вместе с другими «дружественными капитализму» мерами, введенными правительством, это ускорило появление черт новой системы. К настоящему времени фундамент новой системы (блоки 1–3) был более или менее закончен, период смены систем – завершен.

Нельзя категорически утверждать (как, впрочем, и отрицать), что процесс экономических реформ и политической эрозии коммунистической власти с неизбежностью (только с помощью внутренних сил) привел бы к поворотной точке 1989–1990 гг.

Значительной, возможно, решающей оказалась роль радикальных изменений во внешней обстановке: ослабление влияния и распад Советского Союза, который был уже не в состоянии, вводя танки для поддержания власти коммунистов, повторить последовательность событий – в Будапеште в 1956 г., в Праге – в 1968 г., в Афганистане – в 1979 г.

Изменения в блоках 2–3 могли дать и другие результаты. Об этом свидетельствует, например, опыт Вьетнама, где были осуществлены реформы, очень сходные с венгерским «новым экономическим порядком», и где смена отношений собственности шла едва ли не быстрее, чем в Венгрии до 1989 г. И все же смены системы во Вьетнаме не произошло.

Окончательная эволюция изменений блоков 2 и 3 (большее или меньшее «улучшение» социалистической системы) должна быть последовательной. Смена происходит только в том случае, если произведены необходимые **политические преобразования** (блок 1). Если этого не сделано, система остается смешанной формацией, к которой общество подошло в своем историческом развитии.

Все сказанное выявляет значимость блока 1, и моя точка зрения в этом вопросе резко отличается от марксистского взгляда на историю.

Я не собираюсь предлагать универсальную формулу, справедливую для каждой смены системы на протяжении всей истории человеческого общества, более того, я не уверен, что она вообще существует. Я лишь беру на себя смелость сформулировать закономерности исключительно в отношении перехода от капитализма к социализму и «обратно».

В обоих случаях роль политической сферы **первична**. Это подтверждается тем фактом, что социалистическая система не способна появиться сама по себе: эта система не порождается внутренними силами экономики. Социалистическая система навязывается обществу коммунистической партией, пришедшей к власти. И ей удается это сделать, так как противостоять некому – политических оппонентов она уничтожает.

Когда «генетическая программа» в обществе уже заложена, начинают действовать его внутренние силы, система себя завершает: все институты и организации, несовместимые с ней, уничтожаются. Система имеет немалое число приверженцев, которые дают и исполняют команды по реализации «великого проекта».

Пользуясь марксовской терминологией, не базис – отношения собственности и механизм управления – формирует надстройку по своему образу и подобию – политическую структуру и

идеологию. Происходит как раз обратное: надстройка подгоняет «базис» под себя. Получается, марксистская теория не описывает того, что происходит при построении социалистической системы.

Посмотрим, что происходит «на обратном пути». И снова это – не изменения в базисе, должны приводить к новой «надстройке». Отнюдь не узкий частный сектор, порожденный системой Кадара, был причиной возникшего в 1989–1990 гг. политического режима. Новая политическая структура завоевала власть благодаря многим факторам, и не в последнюю очередь из-за разложения политической элиты, сплочения оппозиционных демократических сил, изменения внешнеполитических условий. Новая политическая власть очень быстро ликвидировала все барьеры на пути спонтанных сил капиталистической экономики. Введенное новыми политическими властями регулирование, благоприятное для частной собственности и рыночного управления, безусловно, ускорило движение в сторону капитализма.

Хотя внутренние силы экономики уже разворачивались в нужном направлении, окончательный поворот произошел из-за изменений в блоке 1, как и «на пути туда».

Ликвидация барьеров на пути капитализма означает: обеспечение конституционных гарантий частной собственности, официальное одобрение частного предпринимательства, объявление приватизации государственной программой (вместо прежних эпизодических актов приватизации), легализацию прокапиталистической идеологии и т.п.

Капитализм не нуждается в искусственном насаждении генетической программы какой-либо партией, его не надо навязывать обществу. Но если просто убрать преграды и больше ничего не делать, капитализм все равно наступит, хотя прогресс, понятно, будет гораздо более медленным.

Как следует понимать выражение «насаждать в обществе»? Насколько я знаю, среди ученых-обществоведов нет единого мнения. Если фон Хайек настаивает на спонтанной эволюции, то Карл Полаanyi полагает, что рынок сам по себе чужд человеческой природе и должен «вводиться» государством. Широкое обсуждение этого вопроса выходит за рамки

данной работы. Мой собственный взгляд ближе к тому, который разделяет фон Хайек, и его правомерность подтверждает тот исторический период, о котором здесь идет речь, — **когда социалистическая система начинает разрушаться, развитие капиталистической системы ускоряется.**

Совершенно очевидно, что в начальном периоде семена капитализма проросли на неблагоприятной социалистической почве не благодаря «уходу» со стороны государства, а как раз вопреки запретам и ограничениям. И стоит только их снять, как частная собственность и рынок начнут головокружительный рост; стоит коммунистической партии потерять власть — и обществу ничего не придется навязывать.

Так или иначе, происходящее подтверждает, что полная смена систем невозможна (и нежелательна) без радикального поворота событий, относящихся к блоку 1.

В предыдущих рассуждениях речь шла в основном о событиях в Венгрии просто потому, что эта страна является моей родиной. На самом деле описываемый аналитический метод может быть применен и к изменениям систем в других странах, так как позволяет выделить поворотные точки этих перемен.

Чехословакия демонстрирует резкое отличие от Венгрии: до смены политической системы там существовал один из самых суровых режимов социалистического лагеря, решительно противостоявший изменениям и подавлявший любое инакомыслие.

Прыжок из одной системы в другую был сделан очень быстро. Падение командной экономики, либерализация цен и снятие ограничений с внешней торговли произошли практически одновременно с изменением политического режима. На все ушло только два года. Приватизация государственных предприятий также была проведена в очень сжатые сроки. Динамика и скорость процессов в Чехословакии отличаются от венгерских событий в каждом блоке. И все же обе страны имеют одинаковые основные характеристики «начального» и «конечного» пунктов переходного периода: обе полностью описываются соответствующими моделями — социалистической «до» и капиталистической — «после».

В таблице 1 собраны данные о двух важнейших событиях в хронике смены систем по нескольким постсоциалистическим странам: когда там состоялись первые свободные многопартийные выборы и когда частный сектор экономики стал преобладающим.

Таблица 1

Свободные выборы и приватизация в странах Восточной и Центральной Европы

Страна	Годы проведения свободных парламентских выборов	Доля частного сектора, % от ВВП*
Албания	1991, 1992, 1996, 1997	75
Армения	1995	
Азербайджан	1995	
Беларусь	1995	
Босния и Герцеговина	1990, 1997	
Болгария	1990, 1991, 1994, 1997	
Хорватия	1990, 1992, 1995	
Чехия	1990, 1992, 1996	75
Эстония	1992, 1995	70
Грузия	1992, 1995	
Венгрия	1990, 1994	70
Казахстан	1994, 1995	
Киргизия	1993, 1995	
Латвия	1993, 1995	60
Литва	1992, 1996	65
Македония	1990, 1994	
Молдова	1994	
Польша	1989**, 1991, 1993, 1997	60
Румыния	1990, 1992, 1995	60
Россия	1993, 1995	60
Словакия	1994	70
Словения	1990, 1992, 1996	
Таджикистан	1995	
Туркмения	1992, 1994	
Украина	1994	
Узбекистан	1994, 1995	
Югославия (Сербия и Черногория)	1992	

* Эти данные приводятся по тем странам, где доля частного сектора достигла не менее 60% ВВП к середине 1996 г.

** Выборы 1989 г. были частично свободными: лишь 161 из 460 мест в парламенте были выборными, на остальные – депутаты назначались по указанию компартии.

Если изложенная выше теория не вызывает возражений, тогда в вашем распоряжении – еще несколько инструментов анализа. Блоки 4–5 имеют отношение к закономерностям и экономическим проявлениям, которые являются следствиями системы.

В социалистической системе бюджетные ограничения государственных предприятий являются мягкими, тогда как в капиталистической системе бюджетные ограничения предприятий, находящиеся в частной собственности, – жесткие. Или взять другой пример (он не представлен диаграммой): во всех экономиках крупные организации тяготеют к экспансии. Но только в социалистической системе эта тенденция проявляется в виде повсеместного, постоянно возникающего интенсивного инвестиционного голода. Последний – характерная деталь поведения системы, а значит, относится к блоку 4.

Все экономики неравновесны в смысле идеального равновесия по Вальрасу, не такова только социалистическая экономика с ее извечным дефицитом – основной характеристикой социалистической системы. Дефицит является определяющим систему экономическим феноменом и, следовательно, принадлежит к блоку 5.

Вышесказанное ведет к следующему важному различию между изменениями внутри систем – системными и несистемными. Их важно отличать, хотя и то и другое часто называют просто реформами. В блоки диаграммы могут входить только системные изменения.

Например, девальвация валюты не является системным изменением, а вот введение конвертируемости валюты – изменение системное (последнее относится к блоку 3, а первое не относится ни к одному из блоков).

Сокращение числа больничных коек – изменение не системное, а вот переход к частной медицинской практике – системное (последнее относится к блоку 2, первое – ни к одному из блоков).

Я отличаю тип изменения очень простым способом. Я спрашиваю себя, мог бы Эрих Хонеккер включить это изменение в свой план реформ, направленный на совершенствование социалистической системы в Восточной Германии? Если да – то изменение несистемное.

Отличия ничего не говорят о значимости изменений: не-системное может оказаться крайне важным, и наоборот. И все же различать изменения необходимо, так как последовательность системных изменений определяет изменение системы.

Некоторые экономические программы – Бальцеровича в Польше в 1990 г., Бокроса в Венгрии в 1995 г. и т. д. – включали в себя как системные, так и несистемные изменения.

Теперь я хотел бы продемонстрировать свой метод анализа в несколько иной плоскости. Иногда приходится слышать, что система не была изменена, потому что «наверху», на ключевых позициях общества, остались прежние люди. Сидели птицы на дереве, грянул выстрел. Все взмыли в воздух, а потом вернулись: каждая из птиц вряд ли опустилась на ту же ветку, с которой взлетела, но вся стая оказалась на прежнем дереве.

Как далеко зашли изменения системы и близок ли конец перемен? Ответ не зависит от того, насколько сменилась элита. Некоторые исследователи пытались количественно оценивать эти перемещения. Например, Иван Зеланьи и другие подсчитали, что в Венгрии через несколько лет после 1998–1990 гг. более половины экономической элиты составляли люди, и в прошлом принадлежавшие к дореформенной экономической элите. Похожие пропорции наблюдались и в Польше, и в Чехословакии. Среди политической элиты перемещения были более значительными.

Перемещения внутри элиты – вопрос интересный, их пропорции влияют на характеристики развития новой формации – такие, как стратификация общества, относительный вес социальных групп, нормы сосуществования.

Отчасти появление характеристик поведения в блоке 4 объясняется тем, что люди меняют свое поведение: представители бывшей экономической элиты в новых условиях действуют по-другому. Отчасти еще и потому, что на смену механизму кадрового отбора, присущему старой системе, приходит новый, но произросший из прежнего, механизм. Старые связи могут обеспечить «бывшим кадрам» работу. Но если они с ней не справятся, не будут отвечать предъявляемым требованиям, их карьера закончится. Хотя процесс этот

достаточно долог, а также случаен (далеко не каждый некомпетентный функционер будет вытеснен из сферы бизнеса), все же рыночная экономика, основанная на праве частной собственности, способна сама, через предъявление отвечающих ей требований и правил игры, сделать правильный выбор «игроков».

Демократия и смена системы

Прежде чем решить, следует ли общественно-политический режим, «дружественный» частной собственности и рыночному регулированию, считать демократической политической структурой, внесем ясность в само понятие демократии. Так же, как раньше, я не буду прибегать к нормативным определениям. Отправной точкой будут не ожидаемые «свойства» демократии, не те характеристики режима, которые он должен иметь, чтобы быть достойным этого титула. Вместо этого будет предложено позитивное описательное определение.

Начнем с того, что существует обширная группа стран, примерно с 70-х годов нашего столетия называемых демократическими. Ограничимся теми странами, которые относятся к группе более или менее бесспорно – это страны Западной Европы и Северной Америки. Посмотрим, какие основные черты демонстрируют их политические системы, что можно обнаружить общего при эмпирическом изучении стран, считающихся демократическими*.

Демократия – это соединение политических организаций, институтов, социальных норм и устойчивых форм поведения, которые обеспечивают обществу следующее:

- Правительство может быть смещено, и смена происходит цивилизованным путем. (При нецивилизованном способе сме-

---

* Такой подход наблюдается у многих исследователей. Первым им воспользовался Шумпетер в классическом труде «Капитализм, социализм и демократия» (1947 г.). В отличие от утопических, идеализированных определений демократии Хантингтон в 1991 г. предложил систему эмпирических, описательных, институциональных и процедурных определений. Тот же подход разделяют Даль (1971 г.) и Линдблом (1977 г.).

ны власти правящие лица или группа могут быть убиты, стать жертвами заговора, подвергнуты физической расправе, отправлены в заключение и т. д.)

- Работает испытанная процедура свободных выборов, контролируемая законом. До некоторой степени сама процедура выборов отражает политические симпатии и антипатии населения – я воздержусь от употребления более сильного утверждения – «воли большинства». Волеизъявление граждан – это еще не слаженность появившихся в результате выборов парламента и правительства, и тем более не эффективность законодательной, исполнительной и административной власти. (Эффективность зависит от усилий правительства и возникает как результат сложного процесса, не застрахованного от разногласий и перекосов). И все же выборы – это гарантия, что правительство не сможет держаться у власти с помощью силы, как не сможет противостоять по истечении конституционных сроков воле избирателей сформировать новый состав законодателей.

- Политическая власть или политическая идеология не навязываются силой государства. При демократии невозможна монополия одной партии – демократия существует только при многопартийной системе. Политический процесс основан на борьбе партий, движений, групп за голоса избирателей.

- Политические свободы не просто провозглашаются – они гарантированы на деле. Особо следует подчеркнуть, что государство не должно посягать с помощью силы на свободу волеизъявления, свободу печати или свободу объединений.

Наличие этих четырех признаков демократического общества должно обеспечиваться не только стараниями действующего правительства; их гарантами являются демократическая конституция, парламент, который контролирует правительство и санкционирует утверждение государственного бюджета в соответствии с законом, независимая судебная власть. Еще одним гарантом демократии должен служить Государственный банк или Государственная аудиторская палата.

Согласно такому описанию, демократия – отнюдь не «власть народа». Этот термин гораздо скромнее, хотя и более всеобъемлющ: соединяет в себе процедуры и правила как закрепленные в законах, так и те, которым следуют в силу сложившихся традиций и местных условий.

Как пишет Хантингтон, «свободные, открытые и всеобщие выборы могут привести к появлению слабой, коррумпированной, недальновидной и подверженной определенному влиянию власти, которая неспособна проводить политику, направленную на всеобщее благо. Такая власть может оказаться нежелательной, но это не значит, что она будет антидемократической».

Демократия не является идеальной системой: она не исключает некомпетентности, нечестности, больших или меньших злоупотреблений властью. Единственное, что она исключает – монополию одной партии, а значит, гарантирует, что правительство не сможет держаться у власти при помощи силы.

Опираясь на такое эмпирическое определение, можно установить, какие из современных постсоциалистических стран могут быть отнесены к демократическим и какие этого перехода еще не завершили. Простым и ясным признаком более или менее укрепившейся демократии служит проведение свободных выборов хотя бы дважды, когда в обоих случаях была возможность смещения правительства. По этому признаку к демократическим можно смело отнести политические режимы Чехословакии, Венгрии и Польши.

Оценим демократию в двух аспектах.

Во-первых, к ней можно относиться как к инструменту. Если требуется развитие экономики, ее быстрый устойчивый рост, в таком случае демократия, без сомнения, хорошее средство достижения цели, с присущими преимуществами и недостатками.

Соблюдение правил демократии может и затруднить проведение необходимых изменений, установление справедливого и эффективного распределения собранных налогов, обеспечение наилучших для экономики макропропорций. В то же время авторитарные режимы (Тайвань и Южная Корея в первые десятилетия после второй мировой войны, сегодняшние Индонезия и Сингапур) могут обеспечивать очень эффективную экономику, а демократии – слабую (Индия в те же десятилетия).

Второй подход к демократии – оценить ее «внутренние» качества. Если она не лучший из инструментов, может быть,

ее ценность просто в гарантии от тирании? В моих глазах это громадное достоинство демократического правления, но я допускаю, что есть и другие мнения.

Теперь перейдем к связи демократии с рыночной экономикой.

Демократия – значит рынок: за всю историю не существовало демократической страны, в чьей экономике не преобладала бы частная собственность и рыночные отношения. С другой стороны, рыночная экономика, основанная на праве частной собственности, является, как было показано, достаточным условием возникновения демократического политического режима.

Что же происходит с политическим режимом страны, где частная собственность и рыночные отношения господствуют достаточно длительное время – хотя бы несколько десятилетий? Считается, что капиталистической рыночной экономике необходима демократическая форма правления и первая сама способна привести к последней. Подтверждением этому могут служить и демократии Южной Европы, и некоторые диктаторские режимы Дальнего Востока и Южной Америки*.

Манкур Олсон подчеркивал, что плавному владению частной собственностью, бесперебойной работе рыночных механизмов очень способствуют безопасность и надежность конституционного государства, тогда как причуды диктатора при тирании делают жизнь труднопредсказуемой. Политическая стабильность консолидировавшихся демократий потакает склонности к инвестированию.

В последнее время обсуждается совершенно новое явление, относящееся к нашей теме, – **свобода информационных потоков**. В эпоху компьютеров, факсов и Интернета фантастически ускорилось распространение изобретений, технологических новшеств и деловых новостей. Страна, пытающаяся ввести коммуникационные ограничения, обречена на отстава-

---

* Для выявления взаимосвязи между демократией, рыночными институтами и экономическими показателями производились расчеты, базирующиеся на данных по многим странам и за длительное время (см., например, Barro, 1991, 1996а, 1996в, а также Tavares&Wacziarg, 1996 г.)

ние в мировом экономическом соревновании. Рано или поздно компьютерная революция приведет к устранению барьеров на пути демократических свобод, и это подтвердит будущий исторический опыт.

Два главных результата

В отношении результатов, к которым приводит смена систем, существует множество иллюзий. И не только у рядовых граждан, незнакомых с деталями истории, но также и среди высокообразованных интеллигентов. На мой взгляд, **смена систем ценна тем, что приводит к двум последствиям.**

О первом я уже говорил: частная собственность и рыночное регулирование. Хотя сами по себе они не гарантируют демократии, без них она невозможна. Так что смена системы – необходимое условие демократии.

Второе преимущество заключается в том, что капиталистическая система дает больше возможностей для ускоренного технического развития. И связано это с поддержкой предпринимательства и инициативности, что делает более эффективным, чем при социализме, использование и человеческих, и материальных ресурсов. Рост же производительности труда ведет, в конечном итоге, к повышению людского благосостояния. Здесь уместно сослаться на редко упоминаемого сегодня автора – В. И. Ленина. На заре социалистической системы он объявил, что спор между двумя системами выиграет та, которая обеспечит более высокую производительность.

Социалистическая система на рубеже 1989–1990 гг. спор проиграла. Ясное подтверждение тому дает сравнение статистики экономических результатов за достаточно длительный период (табл. 2 и 3). Начавшийся с одного уровня развития в 1950 г., рост ВВП социалистических стран был гораздо более медленным, чем в капиталистических. Причем рабочие социалистических стран провели больше времени на рабочем месте.

Почему Австрия взята при сравнении за основу? Это оправдано исторически – ведь до конца первой мировой войны она вместе с Венгрией и территорией, позднее занимаемой Чехословакией, входила в состав единой Австро-Венгерской

Монархии (как и часть сегодняшней Польши). Австрия и раньше была наиболее развитой частью союза, но при социалистической системе отставание других стран лишь продолжало увеличиваться.

Таблица 2

Рост среднедушевого ВВП* и трудозатрат

ВВП*	в 1950	в 1989	1950=100	Затраченное количество человеко-часов в год
Чехословакия	3,465	8,538	246,4	936
Венгрия	2,481	6,722	270,9	839
СССР	2,647	6,970	263,3	933
Греция	1,456	7,564	519,5	657
Ирландия	2,600	8,285	318,7	524
Португалия	1,608	7,383	459,1	738
Испания	2,405	10,081	419,2	591

* Измеренный в тыс. дол. США в относительных ценах 1985 г.

Источник: А. Maddison (1994), с. 22 и 43.

Таблица 3

Увеличение отставания от Австрии, % (Австрия=100%)*

	1937	1960	1970	1980
Чехословакия	90	91	78	70
Венгрия	63	56	51	52
Польша	53	54	47	45

* Хотя данные в таблице заканчиваются 1980 годом, отставание от Австрии продолжало увеличиваться и позднее.

Источник: Р. Marer (1989).

Еще более драматичный пример дают разделенные государства: сравните Восточную и Западную Германию до объединения или голодную Северную Корею с процветающей Южной.

Такие сильные различия обуславливаются базовыми характеристиками двух систем. И преимущества капиталистической системы в этом отношении, пусть не сразу, становятся ощутимыми. В некоторых странах на это уходят годы, в некоторых – десятилетия. Я сравнивал системы в течение несколь-

ких десятков лет и пришел к выводу, что системно-образующие различия социализма и капитализма с неизбежностью, «железно» приводят к двум, и только к двум, описанным следствиям. **Никаких других результатов из простого факта смены систем не следует.**

Какова альтернатива?

Разумеется, новый общественный прядок окажет значительное влияние на жизнь людей. И социализм, и капитализм имеют множество исторических обликов, проявляющихся в том, насколько*

1) демократична (или авторитарна) политическая власть;

2) открыто или замкнуто общество по отношению к внешнему миру. (Насколько свободны потоки капитала, товаров, информации и рабочей силы. В какой мере страна интегрирована в региональном мировом масштабе);

3) активна роль государства в экономике. (Велико ли его вмешательство в рыночные процессы через законодательное регулирование, ограничение свободы предпринимательства и выхода на рынок, через налоговую и фискальную политику, через контроль над ценами и доходами.);

4) государство участвует в перераспределении. (Каково его участие в обеспечении достойного уровня жизни, здравоохранения и образования, в пенсионном обеспечении.)

Эти четыре пункта, четыре необходимых «измерения» характеризуют страны, принадлежащие к капиталистической системе.

Возможно, таких измерений больше, но эти четыре – важнейшие: любой из капиталистических стран есть место в очерченном «четырёхмерном» пространстве. Тогда как стране, просто сменившей систему, одним этим фактом попадание в «капиталистическое пространство» не гарантировано.

Если принять систему предлагаемых здесь понятий, станет очевидной недостижимость такой цели, как замена капитализма «социалистической рыночной экономикой», к которой стремятся некоторые политические движения.

Возьмем в качестве примера послевоенную экономику Западной Германии, которую многие называли именно социали-

стической рыночной экономикой. По критериям, используемым в этой работе, в Западной Германии действовала капиталистическая система, но с высоким уровнем государственного вмешательства («четвертое» измерение).

И пусть не возникнет непонимания – я не нахожу ничего плохого в том, чтобы снабдить существительное «рынок» прилагательным «социалистический», когда, например, требуется подчеркнуть, что просто «рынок» приводит к этически неприемлемому распределению доходов в обществе. Но одно дело сказать, что капитализму необходима институциональная коррекция, и совсем другое – представлять «социалистическую рыночную экономику» и капитализм как «две большие разницы», будто бы между ними возможен выбор.

По преимуществам, которые обеспечивает капиталистическая система, **ей альтернативы нет**. Внутри системы – море вариантов, определяемых перечисленными четырьмя направлениями (а скорее всего, их намного больше). Направление, степень и скорость движения конкретной страны по каждой «оси» зависят от ясности восприятия их нынешним и следующими поколениями ее граждан.

Разберитесь сами

Чтобы преимущества, происходящие от смены системы, проявились, требуется время. Так же как и для того, чтобы почувствовались недостатки. Проблемы, возникшие в постсоциалистических государствах, весьма ощутимы, но нужно уметь анализировать, от чего они происходят.

Я позволю себе адресовать свои соображения на этот счет непосредственно к гражданам постсоциалистических стран.

□ Одной из возможных причин негативных проявлений может быть отставание в экономическом развитии от ведущих стран. И этому отставанию и относительной бедности есть множество исторических причин. Низкая эффективность социалистического производства – одна из них. И смена системы здесь ни при чем.

Степень отсталости разных стран неодинакова. Вряд ли всем постсоциалистическим государствам удастся «догнать

и перегнуть» те страны, которые сегодня вырвались в лидеры. Сравнение своей страны с более развитыми не может не огорчать. Но, к сожалению, против этого не существует радикальных рецептов, есть только смягчающее средство: улучшение наступит непременно.

□ Как и социалистической, капиталистической системе присущи свои собственные недостатки – ей далеко до совершенного общества. И приверженцы, и противники хорошо знают темные стороны капитализма. И если социализм страдает от дефицита, то капитализму сопутствует вечная безработица, от которой удастся освободиться лишь временно, в исключительных случаях. Уровень заработной платы устанавливают рыночные механизмы, а наряду с этим существуют прибыли на капиталы и неравенство, порождаемое правом свободного владения собственностью.

Избыточное предложение – одна из характеристик «рынка покупателей». Продавцы же стараются победить их всеми возможными способами. Но не стоит неожиданно повторяющиеся кризисы или другие проявления новой системы воспринимать слишком трагично. Правительство, конечно, не сможет все предусмотреть и предупредить все проблемы, но в его власти сгладить их остроту.

Каждый народ сам решает, компенсируют ли преимущества новой системы сопутствующие ей недостатки. Если «нет», пусть они сделают выбор в пользу старого порядка. Если «да», то надо раз и навсегда признать, что новую систему сопровождают, пусть нежелательные, но присущие процессу трансформации побочные эффекты.

□ Как уже было сказано, каждая из капиталистических стран занимает свое определенное место в пространстве четырех (или более) измерений, определяемых специфическими характеристиками.

Если какие-нибудь особенности кажутся вам плохими, а значит, нежелательными, не стоит из-за этого отбрасывать капиталистическую систему как таковую. Вместо этого для страны можно выбрать другое положение в «четырёхмерном» пространстве. Можно пожелать, чтобы страна стала более от-

крытой (или закрытой), чтобы на общественные нужды тратилось больше (или меньше) и т. д.

А люди, кроме всего прочего, должны научиться оценивать, какие политические силы и в каком направлении хотят изменить общество.

□ Существуют проблемы, связанные и с самим переходом, с его сложностью. Их отражает часто используемое слово «пока»: пока не налажена новая структура снабжения, пока несовершенна рыночная экономика, пока дает сбой демократическая система, пока не развиты новые институты. Эти трудности преходящи, и это не пустые слова. Началось эволюционное по своей природе развитие, и нужно время, чтобы появились плоды. Усилиями правительства неудобства переходного процесса могут быть преодолены быстрее.

□ И наконец, есть ошибки и преступления правительства, чиновников, политиков, партий и организаций. Есть коррупция, нечестность, некомпетентность, халатность – их нужно преодолеть. (Хотя в том, чтобы считать ошибки неотъемлемой частью человеческого существования, есть своя доля мудрости.)

Вполне понятно, что население постсоциалистических стран с раздражением воспринимает трудности переходного периода и глубоко не анализирует их причины. Но если так ведут себя ученые, исследующие общество, высококвалифицированные интеллектуалы и, пуще того, – политики, их оправдывать я бы не стал.

Недопустимо, чтобы все эти люди оставались в плену заблуждений и неведения, один на один с непониманием проблем своей страны, дешевой демагогией и популизмом. Нужен трезвый взгляд, и я надеюсь, что своим исследованием помог внести ясность.

Сокращенный перевод с английского Е. ЕЛИЗАРОВОЙ.